

А. Н. СОКОЛОВ

ИЗ ИСТОРИИ «ЛЕГКОЙ ПОЭЗИИ»

(От «Душеньки» к «Катиньке»)

Среди различных жанров поэмы XVIII в. нелегко найти место для «Душеньки» И. Ф. Богдановича. Издавая в 1778 г. первую «книгу» поэмы, автор сопроводил заглавие «Душенькины похождения» подзаголовком «сказка в стихах». Тем самым поэт относил свое произведение к распространенному в то время жанру «сказки» (по типу французского conte) — краткой стихотворной новеллы с реальными персонажами, бытовым сюжетом, с элементами шутки и сатиры, по языку и стиху близкой к басне. Сближаясь с этим жанром по форме («простой» язык и вольный стих), «Душенька» отделяется от него по содержанию: персонажи и сюжет заимствованы Богдановичем в мифологии, а элементы бытописи служат средством травестирования «высоких» героев и событий. Эта особенность «Душеньки» роднила ее с травестированной поэмой. Но и здесь было значительное расхождение: простой, но сохранивший изящество язык поэмы Богдановича существенно отличался от «низкого», грубо-шуточного языка таких поэм, как «Вергилиева Енеида, вывороченная наизнанку» Н. Осипова. Не зная травестированная поэма и вольного стиха. Известное родство можно усмотреть между поэмой об Амуре и Психее (Душеньке) и начавшими появляться тогда поэмами на мифологический сюжет, уводившими читателя в баснословную древность, прославлявшими естественные человеческие чувства, любовь. К этим поэмам частично подходит жанровое обозначение, данное «Душеньке» автором при ее издании в полном виде (1783) — «древняя повесть в вольных стихах». Таковы поэмы «Незлюбивая жизнь» (1769) Федора Козельского, «Поэма Любовь» (1771) Ф. И. Дмитриева-Мамонова, переводчика на русский язык известного романа Лафонтена, из которого Богданович заимствовал сюжет «Душеньки», «Полион, или Просветившийся нелюдим» (1774) Екатерины Урусовой, «Суд Парисов. Песнь» (1779) В. Майкова. Но при известной «легкости» содержания эти дидактические поэмы не могли освободиться от привычной тяжеловесности слога и торжественности александрийского стиха.

Своей «Душенькой» Богданович начинал в русской литературе новый жанр поэмы, в тех или иных формах существовавший в западноевропейских литературах, главным образом во французской. Чрезвычайный, по выражению Белинского, успех поэмы Богдановича у современников и высокая ее оценка у последующих литераторов, среди которых были Карамзин, Батюшков, Пушкин, А. Бестужев, Баратынский и сам Белинский, объясняется тем, что это был, если воспользоваться определением Батюшкова, «первый и прелестный цветок легкой поэзии на языке нашем».¹ Защитник и пропагандист «легкой поэзии» сумел понять ее значение как поэзии простых человеческих чувств, земных радостей, личной свободы, поэзии, не лишенной оппозиционности не только к литературной, но и к общественной реакции. «Легкая поэзия» получила широкое распространение в русской литературе XVIII в. Но «Душенька» стала первым образцом «легкой поэзии» в большой форме — «легкой поэмы». В этом заключалось и жанровое своеобразие поэмы Богдановича и ее историко-литературное значение.² В дальнейшем развитии русской эпической поэзии воздействие «Душеньки» испытали и те или иные жанры поэмы (поэма-бурлеск, сказочно-богатырская поэма, повесть в стихах) и отдельные произведения («Причудница» Дмитриева, «Бахариана» Хераскова, «Добромысл» самого же Богдановича, «Странствователь и домосед» Батюшкова, «Руслан и Людмила» Пушкина и др.). Встречаются в произведениях разных жанров и прямые отклики на поэму Богдановича.

Но можно говорить и о своеобразном жанре «легкой поэмы», представленной в русской литературе несколькими образцами, непосредственно связанными с «Душенькой». Сами по себе они не являются значительными фактами в истории русской поэзии. Однако они помогают определить те стороны введенного Богдановичем литературного жанра, которые оказались исторически действительными, и проследить, как особенности этого жанра изменялись в процессе общего развития русской литературы. Две из этих поэм относятся к 1790-м годам. Остальные три появились через десять с лишним лет: в 1806—1811 гг.

В 1791 г. в тобольском журнале «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» (январь) появилась поэма отбывавшего ссылку в Сибири Панкратия Сумарокова «Лишенный зрения Купидон».³ Сюжет поэмы заимствован в басне Лафонтена «L'Amour et la

¹ К. Н. Батюшков, Сочинения, изд. «Academia», М.—Л., 1934, стр. 364.

² См. вступительную статью И. З. Сермана в кн.: И. Ф. Богданович. Стихотворения и поэмы. Изд. «Советский писатель», Л., 1957.

³ Поэма позднее была перепечатана в альманахе Карамзина «Аониды» (кн. III, 1798—1799) и в «Сочинениях» П. Сумарокова, вышедших в 1799 и в 1832 гг. (здесь под заглавием «Амур, лишенный зрения»). Печатались поэма и после этого, вплоть до наших дней.

Folie». Мом («Дурачество»), выпросивший у Купидона колчан со стрелами, вышиб богу любовь глаза, за что был обречен всегда и везде водить Купидона. В этой развязке выражается и «мораль» поэмы: когда стреляет Купидон, его руками водит Дурачество, и стрела попадает людям не в сердце, а в голову. Разрабатывая мифологический сюжет, Сумароков, вслед за Богдановичем, вносит подробности повседневного быта, и это производит комическое впечатление. В дорогу зефиры, чтобы не простудить ножки, «обулись в теплые сапожки», сели в дрожки, запряженные цугом бабочек. По сравнению с «Душенькой» рассматриваемая поэма написана в более «сниженном» тоне. Тонкая шутка Богдановича переходит у Сумарокова в грубоватую насмешку. Достаточно сопоставить «роскошное» описание поезда Венеры у Богдановича и шуточный рассказ о том, «как боги в путь пустились» у Сумарокова:

Зевес сел на орла с Юноною верхом,
На всякий случай взял с собой в дорогу гром...

Более демонстративны в поэме Сумарокова и элементы бурлескного стиля. После пародийного «пою» автор обращается к «чувствительным душам»: *«Развесьте уши, разиньте рот»*. За этим следует «призывание» Феба, стилистически определяемое обстановкой, в которой приходится творить поэту:

Услышь же мой к тебе охриплой стужи глас,
Пожалуй, сделай одолжение,
Просунь сквозь снежных туч
Хоть один свой луч,
И мерзлое мое распарь воображенье.⁴

Как и в «Душеньке», вольные ямбы в поэме Сумарокова чередуются не с той свободой, какая была усвоена басней, а тяготеют к расположению группами, объединенными общим количеством стоп в стихах. Это становится характерным для поэмы в вольных ямбах, что отличает ее от басни.

Менее тесно связана с «Душенькой» написанная вольными ямбами поэма Хераскова «Пилигримы, или Искатели счастья» (1795). Излагая фантастический сюжет, поэт иногда, подобно Богдановичу, переключается в реальный быт: рыцари, сопровождающие царевну, несут за нею зонтик, веер, румяна, ножницы, «чем ногти нимфе стричь». «Душеньку» заставляет вспомнить замечание Хераскова о сухарях, которых в то время для дороги не готовили. Не отказывается Херасков и от нарушений стилистического единства путем введения просторечных слов и выражений: за дерзость героиня «прогнала» героя «в шею». Тонкая,

⁴ В своем «Взгляде на старую и новую словесность в России» (1823) А. Бестужев с похвалой упоминает поэму П. Сумарокова, находя, что сибирские морозы не охладили забавного воображения автора.

иногда слегка нескромная шутка Хераскова напоминает манеру Богдановича. В «Пилигримах», как и в «Душеньке», изредка встречаем обороты, заимствованные из народных сказок: «Нельзя его списать ни кистью, ни пером», — говорит Херасков о хрустальном доме. Описывая долину, где герои поэмы искали счастья, Херасков заимствует некоторые краски у Богдановича: деревья в честь героя склоняют свои вершины, серебристая роса смывает пыль с ног. Своеобразие поэмы Хераскова — в ее литературности. Поэт часто вспоминает героев известных литературных произведений Вергилия, Тассо, Ариоста, Фенелона. Он то и дело обращается к вопросам литературы, выступая, в частности, против сатиры и авантюрных романов. Херасков отстаивает в поэзии «приятны выдумки», не нарушающие «истины», чистоту и простоту слога. Отличается поэма Хераскова от «Душеньки» и наличием в сюжете аллегорического смысла: истинное счастье достигается только на путях добродетели. Это сближает «Пилигримов» с жанром дидактической поэмы. У Богдановича же развлекательность решительно преобладает над поучительностью.

Следующая группа поэм, связанных с традицией «Душеньки», относится уже к первым десятилетиям XIX в. Наибольший историко-литературный интерес представляет первая из них по времени, представляющая собою новый вариант «легкой поэмы». Две другие, вышедшие следом за ней, более традиционны. Поэтому целесообразно начать с них. Нарушение хронологии в данном случае не мешает историческому пониманию явлений.

Прямым, хотя и запоздавшим, откликом на «Душеньку» Богдановича явилась «лирическая поэма» Мерзлякова «Амур в первые минуты разлуки с Душенькою» (1809).⁵ Поэт развивает тот эпизод, который у Богдановича занимает незначительное место: душевное состояние и поведение Амура после того, как Душенька, нарушив запрет, была изгнана из царства своего божественного супруга. Психологически раскрывая намеки, имеющиеся в «Душеньке», автор «лирической поэмы» заставляет бога любви изливать свои горькие чувства и мысли. Амур завидует смертным, которые могут надеяться, что разлука на земле вознаградится посмертным соединением. Другие красавицы и красоты природы заставляют его вспомнить любимую:

Во всех красавицах мне видится она
И даже, кажется, в алеющих цветах
Ее едину лобызаю!

Подобные мотивы характерны для романтической лирики Жуковского. Помимо сюжета, поэма Мерзлякова связана с «Душенькой» метрической формой. Мерзляков пишет вольными ямбами, сохраняя шестистопную основу, но разнообразя ее стихами с мень-

⁵ «Вестник Европы», 1809, ч. XLV, № 10, стр. 91—121.

шим количеством стоп. Как стало обычным для «легкой поэмы», эти стихи чаще располагаются группами. Из укороченных стихов Мерзляков предпочитает трехстопные, очевидно, для большего контраста с шестистопными. По сравнению с другими «легкими поэмами» жанровая связь с «Душенькой» у Мерзлякова ослаблена. Ему почти чужда шутливость Богдановича. Не встречаем у него ни бытовых деталей, ни просторечных слов.

Через два года (в 1811 г.) в печати появилось новое произведение, связанное с традицией «легкой поэмы». Это была поэма «Падение Фаэтона» Анны Буниной.⁶ Сюжет своей «баснословной повести» Бунина заимствовала у Овидия, изложившего миф о Фаэтоне в «Метаморфозах». Рассказывая о сыне солнца, попытавшемся для доказательства своего божественного происхождения проскакать по небу в солнечной колеснице, поэтесса, вслед за Богдановичем и другими авторами «легких поэм», сообщает: «Цель моя состояла в увеселении соотичей». Изложение сюжета ведется в обычной для «легкой поэмы» манере. Автор обращается к героям, к читателям, высказывает попутные сентенции, от мифологических времен иронически переключается на современность, вносит черты реального быта, допускает литературные выпады. Так, от колесницы Фаэтона первой запылала гора Парнас —

За тем, что низа до верхов
Была завалена стихами,
И что, будь сказано меж нами,
В соборе том стихов
Иные были суховаты;
Сухие же скорей зажгутся и стихи!
И так Парнас, подтопкою богатой,
За наши вмиг сгорел грехи!

В речевом стиле поэмы Бунина не отказывается от изящества, свойственного «Душеньке», но это не закрывает доступа в язык поэмы и для некоторых просторечных слов и выражений. Вольные ямбы, которыми написана поэма, более свободны в сочетании разностопных стихов, по сравнению с поэмами Хераскова и Мерзлякова, несколько приближаясь к басенному стиху, как у Сумарокова.

Вернемся теперь хронологически назад к поэме, анонимно вышедшей в Москве отдельной книжкой в 1806 г.: «Катинька. Российская повесть вольными стихами. В трех книгах».⁷ Автор прямо заявляет о своем образце:

В подобье Душеньке я Катиньку пою.

⁶ Поэма была прочитана (Крыловым) на заседаниях Беседы любителей русского слова в ноябре 1811 г., тогда же напечатана (с сокращениями) в «Чтениях в Беседе...», а в 1812 г. — полностью в сборнике Буниной «Неопытная муза». В упоминавшемся обзоре русской словесности А. Бестужев отметил, что стихотворение Буниной разнообразно красотами вымысла.

⁷ Вопрос об авторе этого произведения остается открытым. Свойственные поэме черты сентиментализма позволяют предполагать в качестве ее автора

Не отличаясь большими художественными достоинствами, эта забытая «легкая поэма» любопытна в двух отношениях. С одной стороны, она свидетельствует, что еще в начале XIX в. «Душенька» Богдановича воспринималась как живое литературное явление, на которое можно было ориентироваться в художественном творчестве. С другой стороны, «Катинька» была не простым подражанием «Душеньке», а переосмыслением, переработкой жанра этой поэмы в новом духе.

Следуя Богдановичу, автор обязан был сохранить существенные жанровые черты «легкой поэмы». С этой традицией поэма неизвестного автора связана прежде всего метрической формой: «Катинька» — поэма в вольных ямбах. Как и в поэме Богдановича, а вслед за ней и в поэме Сумарокова, вольные ямбы в «Катиньке» не столь разнообразны и свободны, как в басне или в «сказке». Они обычно организуются в группы шестистопных и четырехстопных ямбов. Жанровому канону поэмы в вольных ямбах «Катинька» подчиняется и в своем речевом стиле: простой, отвечающий языковым принципам «карамзинизма» язык, легкая шутка и мягкая ирония как манера повествования. «Топилась Катинька не очень осторожно», — слегка подшучивает автор над героиней, зацепившейся за веревку купальни. Изложение сюжета то и дело прерывается обращениями поэта к героине, к читателю, к грациям, различного рода сентенциями, замечаниями, отступлениями, в которых автор явственно обнаруживает свое присутствие в произведении и готов в этом повиниться перед читателем: «Однако ж Катинька осталась в забвеньи».

Но автор пишет не «древнюю», т. е. легендарную, а «российскую», т. е. современную бытовую, повесть. Это должно было повести к серьезной перестройке жанра поэмы. С самого начала автор подчеркивает отличие своего замысла от сюжета Богдановича:

..... Душенька была сотворена царицей;
А Катинька, хотя не менее мила,
Но рождена простой девицей.
Родилась она не в южных сторонах,
Не там, где нежные и резвые зефиры;
Но, там, где сам Борей имеет трон на льдах,
И белоснежные порфиры,
Не в славной Греции, но в славном Русском царстве,
Не в древности тогда, как славились волхвы;
Но в нынешних годах средь каменной Москвы.

одного из второстепенных поэтов школы Карамзина. К этому склоняют и некоторые фразеологические сближения с произведениями Шаликова (см. его «Триолет к Наташе», напечатанный в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» за 1798 г.: и там и здесь встречается обращение к героине: «Опасна будешь ты сердцам»; выражение автора «Катиньки» «когда пять лет еще свершится» напоминает выражение «Триолета»: «Лишь только год тебе свершится»).

Итак, автор «Катиньки» делает свою героиню обыкновенной девушкой, переносит ее из легендарного прошлого в реальную современность, поселяет ее в Москве.

Своей сюжетной схемой «Катинька» несколько напоминает «Душеньку», но в конкретном содержании сюжета над фантастическим решительно преобладает реальное. Детство героини прошло в Москве, а затем родители увезли ее в суровый, малонаселенный край (далее упоминается река Свирь). Проводы были скромными:

Любезну Катиньку толпы не провожали,
Такого не было, как Душенькин парад,
Простились с ближними, с друзьями; поскакали,
И тотчас из виду пропал столичный град,
Хрустальную кровать в поход не снаряжали,
А если б я ее вместил,
Тогда бы песнь мою за сказку почитали,
Тогда бы истину сей ложью оскорбил.

Здесь продолжалось воспитание Катеньки, о чем автор говорит, используя традиционные мифологические образы («С Олимпа музы к ней ходили»). Здесь героиню постигло и первое горе — смерть матери. Но скоро Катенька попадает в другую обстановку. Описывая ее, автор заставляет вспомнить «Душеньку». Катенька живет в «храмине», украшенной множеством колонн, бюстами богов, люстрами, фарфором, окруженной роскошным садом, где все к услугам героини, как это было и у Богдановича:

Коль скажет Катинька, что хочется гулять,
Все пустятся следы цветами устилать.
Что ступит, то жасмин, то роза, василечек,
Наклонятся сучки, чтоб фрукты можно рвать;
И каждой, кажется, кусточек
Рад вслед за Катинькой бежать.

Эта традиционная для «легкой поэмы» манера не мешает автору сохранять в своей повести реально-бытовой колорит. Общество, в котором находилась Катенька, развлекалось балами, прогулками. Летом катались на ялике, зимой — на санях. Катеньку окружала толпа вздыхателей. Но для нее, как и для Душеньки, счастье оказалось недолговечным: умер отец, и сирота очутилась в скромном домике у Волги, где видны только дикие поля, где деревья не склоняют уже к ногам своих ветвей, где можно видеть деревенскую «толпу Венер в лаптях». Подобно героине Богдановича, Катенька решает наложить на себя руки, но так же, как и Душеньке, ей не удастся осуществить свое намерение: бросившись в реку, Катенька, как мы уже знаем, зацепилась за веревку купальни, и ее спасли; пистолет, из которого она хотела застрелиться, дал осечку. И здесь автор, как видим, заменяет фантастическую мотивировку реальной. Поэма заканчивается сообщением о пред-

стоящем браке Катеньки с избранником сердца. Расставаясь с героиней, автор перефразирует концовку «Душеньки»:

Мы будем дожидаться
Прелестной Катиньки — прелестного плода.

Таким образом, в традиционную форму «легкой поэмы» с мифологическим сюжетом автором «Катиньки» было вложено реально-бытовое содержание. Он так определил различие обеих поэм:

Вторая Душенька — но в наших временах,
И не игра ума — а истинно явилась.

Предпосылки к такой эволюции жанра имелись и в самой «Душеньке». Образ героини у Богдановича, как это отражено в ее русифицированном имени, наделен чертами обыкновенной русской девушки. В обстановку мифологического сюжета Богданович вводит многочисленные бытовые детали. Это было и у подражателей Богдановича. Но модифицируя жанр «легкой поэмы», автор «Катиньки» не сумел сохранить ту поэтическую прелесть, которая отличает «Душеньку» и которая делает эту поэму незабываемым образцом русской «легкой поэзии». Рассматриваемая поэма лишена той тонкой, грациозной, иногда нескромной шутки, которой так мастерски пользуется Богданович. Потеряли свою контрастность по отношению к целому те бытовые детали и просторечные выражения, которые не могли не вызывать смеха или улыбки при чтении «Душеньки». Наоборот, неуместными, ненужными оказались в бытовой повести Феб, Аполлон, Амур, грации; в абстрактные понятия превратились конкретные образы «веселых игр», «смехов», сопровождавших героиню на бракосочетание.

Перестав быть сказочно-мифологической поэмой, «Катинька» не стала и реалистической повестью в стихах. Здесь нет типизированных характеров. Образ самой героини остается бледным, отвлеченным, условным («ангел красоты»). Автор не выходит из пределов сентиментализма как литературного направления. Над могилой матери Катенька «льет ток слезный», а от себя автор произносит типичную для сентиментализма эпитафию: «Покойся, прах любезной». Встречаются в поэме и другие элементы сентиментального стиля, например эпитеты: *чувствительная душа, любезная Катенька, томный колокол, взор томный и унылый*.

Прослеженная нами традиция «легкой поэмы» свидетельствует, что «Душенька» Богдановича в течение длительного времени сохраняла свое поэтическое обаяние. Разные образцы этого жанра по-разному демонстрировали свою связь с поэмой Богдановича. На эволюцию жанра оказывал воздействие процесс развития литературы в целом. Особенно наглядно это сказалось на «Катиньке».